

«Сейчас часто спрашивают, кому принадлежала инициатива принятия 7 мая 1985 года постановления ЦК и правительства о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР (16 мая). Злые языки говорят, что это, мол, дело членов Политбюро, давно выпивших свою норму. Это несерьезно. По существу, инициатива принадлежала общественности. Шло мощное давление на партийные и государственные органы, куда поступало несметное количество писем, главным образом от жен и матерей. Приводились ужасающие примеры семейных трагедий, производственного травматизма, преступности на почве пьянства. Чрезвычайно остро ставили этот вопрос литераторы и медики.

Другой миф — будто мы установили «сухой закон». Такой вариант даже не рассматривался, потому что был заведомо нереален.

Хочу возразить тем, кто считает, что мы не задумывались, чем закрыть брешь в доходной части государственного бюджета в результате сокращения продажи спиртного. Проводились специальные экономические расчеты, которые учитывали размеры потерь на производстве по причине пьянства. Намечалось постепенно (подчеркиваю — постепенно) сокращать спиртное, по мере его замещения в товарообороте и бюджетных доходах другими товарами.

Поначалу общество (я не говорю о завязтых выпивохах) с одобрением отнеслось к этому решению, но по мере его воплощения в жизнь возникло недоумение, сменившееся раздражением, недовольством и в конце концов даже озлоблением. Что же произошло?

Как у нас нередко бывает, между замыслом и его претворением в действительность пролегла дистанция огромного размера. Я бы сказал, что на стадии обсуждения, принятия решения были проявлены и реализм, и ответственность, а вот на стадии исполнения дела начали «пороть горячку» и допускать перехлесты, загубили полезное и доброе начинание.

Контроль за исполнением постановления был поручен Лигачеву и Соломенцеву. Взявшись за дело с неуёмным рвением... довели все до абсурда. Требовали от партийных руководителей на местах, министров, хозяйственников «перевыполнить» план сокращения производства спиртного и замены его лимонадом. Устраивали жесткие разносы «отстающим», вплоть до снятия с работы и исключения из партии. Призывали равняться на тех, кто добился «опережения графика», пусть даже ценой огромного ущерба для экономики.

В нашем обществе больше привыкли к «революционным скачкам», чем к кропотливой работе на длительном отрезке времени. Антиалкогольная кампания, к сожалению, стала еще одним печальным примером того, как вера во всемогущество командных методов, максимализм, административный раж губят правильно задуманное дело. В спешном порядке начали закрывать магазины,

винно-водочные заводы, а кое-где и вырубать виноградники. Свертывалось производство сухих вин, что не было предусмотрено постановлением. Приобретенное в Чехословакии дорогостоящее оборудование по производству пива ржавело и гнило. Массовый характер приобрело самогонование. Из продажи начал исчезать сахар; его нехватка потянула за собой резкое сокращение ассортимента кондитерских изделий. Потом с прилавков начали исчезать недорогие одеколоны, употреблявшиеся вместо алкоголя. А использование всевозможных «заменителей» привело к росту заболеваний. Вот какая протянулась зловещая цепочка. Людей все больше раздражали многочасовые очереди, униженные ожидания в надежде приобрести бутылку водки или вина по случаю какого-либо торжества. Как только ни ругали начальство, а больше всех доставалось генсеку, которого по традиции принято было считать ответственным за все. Так я получил кличку «минеральный секретарь».

М.С. Горбачев. «Жизнь и реформы». Книга I, М., 1995, С. 340-342